



## ИЗЪ ПОХОДНАГО ЖУРНАЛА.

(Продолженіе) <sup>1)</sup>.

*13-го января.* Со всѣхъ сторонъ дурныя вѣсти. Что дѣлается въ Петербургѣ!.. Къ намъ оттуда идутъ телеграммы о числѣ убитыхъ и раненыхъ! Работы остановились, оборвалось снаряженіе третьей эскадры...

А здѣсь все сгущаются слухи о хунхузахъ и движеніи китайскихъ войскъ въ тылъ нашей арміи.

Куропаткинъ начинаетъ войну на два фронта: въ ближнемъ и дальнемъ тылу тоже враги: китайцы и русскіе. Трудно воевать, когда разрушается не только стратегическая, но сама государственная база.

*14-го января.* Около полудня распространилось извѣстіе объ ужасномъ взрывѣ въ той самой артилерійской лабораторіи, гдѣ мы были съ N, причемъ 6 или 8 человекъ разорвало въ клочья и 16 ранило; но недолго мы горевали объ этихъ жертвахъ!—Въ 3 часа, передъ самымъ концомъ занятій, по штабу пронесся крикъ «побѣда» и всѣ офицеры бросились въ корридоръ,—кто-то рассказывалъ, что получено извѣстіе о взятіи 40 японскихъ пушекъ; но тутъ же говорили и о двухъ тысячахъ раненыхъ. Офицеры раздѣлились—одни готовы были приниматься за шампанское, другіе говорили, что надо подождать, чтобы не ошибиться. Я, какъ ни заманчива радость, примкнулъ ко вторымъ: лучше недовѣріе, чѣмъ

<sup>1)</sup> См. «Воен. Сб.» 1906 г., № 5.

разочарованіе. Но въ то же время, какъ много чувствъ и думъ привлекаетъ надежда. Будь это такъ—*coup d'état* почти свершился и все въ Россіи можетъ наладиться снова и армія наша, какъ это и самому слышно гдѣ-то въ душѣ, можетъ воспрянуть духомъ и добиться побѣды.

*15-го января.* Вчерашняя вѣсть о побѣдѣ, судя по новымъ телеграммамъ, была, болѣе или менѣе, приумножена противъ дѣйствительности. Сегодня уже извѣстно, что бой былъ частный на правомъ флангѣ, что стремительной атакой у японцевъ отнята деревня и «по слухамъ» взята батарея... Раненыхъ двѣ тысячи!... Надо ждать новыхъ вѣстей прежде, чѣмъ радоваться. Но что бой долженъ разгорѣться въ генеральное сраженіе—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

*17-го января.* Отъ В. И. П. получилъ письмо—онъ тоже томится въ своемъ Хуланченѣ; пишетъ, что тамъ скончался его предмѣстникъ по командованію сотней и проситъ пригласить нашего отца Иону приѣхать туда отслужить панихиду. Вечеромъ о. Иона самъ заѣхалъ ко мнѣ и съ перваго же слова согласился поѣхать, не смотря ни на морозъ, ни на разстояніе (28 верстъ), ни на предстоящую тряску въ двуколкѣ подъ конвоемъ отъ хунхузозъ.

— Это вѣдь можетъ по волѣ Господней такъ случилось, что именно я долженъ помолиться съ солдатами П., имъ вѣдь нужно утѣшеніе,—тамъ у нихъ священника нѣтъ.

Мы условились поѣхать вмѣстѣ 20-го.

*19-го января.* Въ штабѣ сегодня тревожное и тяжелое настроеніе,—вѣсти съ театра войны одна хуже другой: генераль Гриппенбергъ отказался отъ командованія 2-й арміей, правый флангъ отступилъ, потери до 10 тысячъ, раненые замерзаютъ и гибнутъ...

Нелады... Неудачи...

Подъ конецъ занятій ко мнѣ заѣхалъ П.,—онъ хочетъ завтра самъ конвоировать въ Хуланченъ отца Иону и меня. Послѣ обѣда мы вмѣстѣ побывали у о. Ионы и уговорились, что завтра на двуколкахъ заѣдемъ за нимъ въ 8 ч. утра.

*20-го января.* П., какъ и слѣдовало ожидать, вернулся домой лишь къ 7 часамъ утра...

Вскорѣ подѣхали его двуколки съ урядникомъ, я закутался въ полушубокъ, теплушку, фуфайки, шарфы, валенки варежки, папаху, башлыкъ и мы поѣхали къ о. Ионѣ; но застали его, къ великому нашему сожалѣнію, въ лихорадкѣ и съ флюсомъ. О поѣздкѣ его не могло быть и рѣчи; но любезный Иона позаботился и уже

уговорился съ другимъ священникомъ-монахомъ, отцомъ Амфилогіемъ, изъ Вологодскаго отряда, что тотъ поѣдетъ къ Лодѣ служить панихиду. Мы прошли къ Амфилогію, познакомились съ нимъ и тотчасъ же тронулись въ путь. Въ первой двуколкѣ ѣхалъ П. съ монахомъ, во второй я съ кавалеромъ урядникомъ; на козлахъ сидѣли забайкальцы въ сибирскихъ дохахъ съ нагрудными патронташами, съ головами, обмотанными башлыками; подъ сидѣньями лежали на готовѣ винтовки; у меня и П. въ карманахъ револьверы.

Здѣсь иначе нельзя: тихо, тихо, а вдругъ гдѣ-нибудь и нагрѣнуть. Мнѣ невольно такъ ясно представилось, что вотъ точно такъ же на двуколкахъ, съ ружьями подъ сидѣньями, ѣхалъ и Богдановъ въ свой послѣдній день...

---

Кстати о немъ. Знають-ли въ Россіи его однополчане, его товарищи по академіи и Генеральному штабу, всѣ знавшіе его, — какую добрую славу онъ оставилъ здѣсь по себѣ? На утѣшеніе всѣмъ, кому такъ же, какъ мнѣ дорога память этого превосходнаго офицера, могу съ радостью сказать, что мнѣ по службѣ не разъ довелось видѣть слѣды его серьезной, широкой работы и слышать отовсюду самые лестные отзывы въ память покойнаго. Смерть Богданова была большой потерей для русскаго дѣла въ Манчжуріи.

Спокойный, систематичный, твердый, широкій, гуманный — онъ твердый, широкій, гуманный — онъ сумѣлъ поставить себѣ задачи, намѣтить пути и не мало расчистилъ дорогу. Служба видѣла въ немъ — передового работника, русскіе люди — носителя идеи, туземцы монголы — несокрушимаго покровителя. Онъ держалъ въ рукахъ монгольскихъ князей... Но несокрушимымъ былъ только для тѣхъ, съ кѣмъ открыто боролся, — а тайная борьба его сгубила легко.

Его неприглядная покуда могила на здѣшнемъ братскомъ кладбищѣ не останется безвѣстной, время придетъ — ее отмѣтитъ памятникъ. Но и теперь не я одинъ захожу погрустить надъ нею и сказать: «спи спокойно, честно исполнившій долгъ добрый товарищъ».

---

Но сегодня всѣ наши приготовленія для борьбы съ хунхузами и морозомъ были напрасны. День былъ великолѣпный, солнце блистало такъ могуче и властно, какъ только въ райскомъ снѣ могло бы причудиться петербуржцу, морозъ градусовъ на 15 за тишиной совсѣмъ не былъ слышенъ, а дорога на всемъ пути между

двумя городами и двумя рѣками (Сунгари и Халанъ-хэ) лежитъ на такой открытой степной равнинѣ, что казалось непонятнымъ, откуда здѣсь стоятъ сплошныя, дремучіе лѣса гаояна и только кое-гдѣ между ними поляны чумизы; лѣтомъ здѣсь невылазныя топи, въ которыхъ, по словамъ забайкальца, «иной разъ «китай» какъ застрянетъ *однако*—такъ и ночуетъ съ арбой»; а теперь кругозоръ открытъ на всѣ стороны, только изрѣдка видны деревни и постоянные дворы; ни лѣсовъ, ни садовъ; по сторонамъ тянется плоская, замерзшая пашня, дорога накатана, какъ каменная, о снѣгѣ нѣтъ и помину. Навстрѣчу попадаются только изрѣдка одиночные пѣшеходы, или арбы двуколки, запряженные семерками муловъ, какъ еврейскія «балаболы» въ Польшѣ, десятками двумя самыхъ мирныхъ китайцевъ.

Забайкалки бѣжали безъ устали и какъ перешли черезъ широкую Сунгари, такъ до самой Хуланъ-хэ довели насъ безъ отдыха хорошей рысцой; пристяжныя даже сбивались частенько на галопъ и съ деревенской граціей старались свернуть въ колечко.

Мой сосѣдь-урядникъ былъ мало разговорчивъ, а можетъ стѣснялся непривычнымъ обществомъ европейца, который, къ слову сказать, для него является тоже «забайкальцемъ». Онъ оживился только, когда я заговорилъ объ охотѣ, да и то, впрочемъ, больше вздохами и междометіями, чѣмъ словами; далъ мнѣ только понять, какъ они любятъ свое привольное, еще почти неразграниченное Забайкалье; теперь, быть можетъ, только тамъ и держится степная казачья свобода.

Въ полдень мы подъѣхали къ Хуланчену. Издали, какъ и другіе китайскіе города, онъ не имѣетъ виду: плоская масса сѣрыхъ черепичатыхъ крышъ, почти всѣ дома въ одинъ уровень, надъ крышами высятся только шесты у постоянныхъ дворовъ и гостиницъ, да сегодня кое-гдѣ флаги, уже поднятые по случаю наступленія китайскаго новаго года. Мы проѣхали по главной улицѣ и снова, какъ въ Мукденѣ, если не больше, я любовался красотой рѣзныхъ столбовъ и вывѣсокъ, богатѣйшимъ орнаментомъ въ рѣзной и красочной отдѣлкѣ магазинныхъ фасадовъ, коньками крышъ, деревянными воротами — арками поперекъ пути, жизнью, шумомъ, весельемъ общительной толпы и общимъ радующимъ глазъ яркимъ и пестрымъ колоритомъ картины.

Толпа разступилась, встрѣчая насъ дружелюбными криками, ходи смѣялись, кричали «шанго», иные кивали поклонами, а сзади, какъ изъ пистолетовъ, уже стрѣляли хлопучки, — поукуда это еще

только реклама продавцовъ, но послѣ завтра, говорятъ, подыметъ такая пальба, точно въ перестрѣлкѣ. Свернувъ направо, мы миновали граціозную, затѣйливую и таинственно обнесенную, какъ монастырь высокой оградой, красивую кумирню и, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ закоулками, подѣхали къ отдѣльной усадьбѣ, обнесенной по квадрату глинобитной стѣнкой съ обсыпавшимися зубцами, изображавшими крѣпость. Изъ-за стѣны виднѣлись фанзы, надъ вѣздомъ красовалась типичная вышка-башенка съ крышей на столбикахъ и русской вывѣской, гласившей «гарнизонъ города Хуланчена». Это резиденція нашего П.

Три обветшалыя фанзы покоемъ—казарма, за средней еще три фанзы получше, съ квадратнымъ дворикомъ—садомъ,—квартира офицеровъ и сотенный штабъ, по сторонамъ еще нѣсколько хибарокъ—кухня, пекарня, цейхгаузъ, у задняго фаса ограды — конюшня.

Здѣсь стоитъ одна сотня Забайкальскаго пѣшаго баталіона—весь русскій гарнизонъ на страхъ всего Хуланчена—губернскаго города съ 70 тысячнымъ населеніемъ, съ китайской полиціей и ротой китайскихъ солдатъ въ 70 штыковъ.

У П. обычная кирпичная фанза, типа домовъ зажиточныхъ китайцевъ съ красивой крышей на раскрашенныхъ подстрѣлинахъ, съ комнатой «для предковъ» за ажурной рѣшеткой прямо противъ входа и съ бумажнымъ потолкомъ. Но внутри его комната обрусѣла: въ середину, окруженная канами, влѣзла грубая, толстая, безформенная тетеха—деревенская «русская» печка, громадныя рѣшетчатыя окна заложены и замѣнены крохотными оконцами, какъ въ нашихъ избахъ, на полъ настланы чистыя доски. Хозяева на канахъ разставили только кровати, а жизнь идетъ по нашему, на полу около стола, на скамейкахъ. Холодненько, неуютно и очень ужъ не красно.

Съ П. живетъ его младшій офицеръ, бывшій Вильманстранецъ, поручикъ Б., и временно случайный гость интендантскій чиновникъ. Когда мы пріѣхали, былъ въ гостяхъ и еще одинъ европеецъ, по счету четвертый и послѣдній въ Хуланченѣ, — французъ, католическій миссіонеръ. Они пили чай и коротали время, дожидая насъ; только надо сказать, что аббатъ говоритъ лишь по-французски и по-китайски, а Б. и интендантъ только по-русски. Тоска и одиночество въ чуждомъ городѣ тянетъ ихъ безотчетно другъ къ другу...

Французъ обрадовался, когда услышалъ отъ меня отвѣтъ на родномъ языкѣ и не далъ мнѣ ни съ кѣмъ говорить, покуда мы не

ушли служить панихиду. Онъ разсказывалъ о своей дѣятельности, гордился своими прозелитами и увѣрялъ меня, кажется совершенно искренне и не пристрастно, что китайцы, принявшіе христіанство, мѣняють не только вѣру, но и все міровоззрѣніе, становятся мягче, гуманнѣе и гораздо доступнѣй воздѣйствію нашей культуры. По его словамъ, чему я вполне довѣряю, приглядѣвшись къ китайцамъ, религіозная проповѣдь не встрѣчаетъ здѣсь никакихъ недружелюбныхъ явленій, и его паства исполняетъ свободно и открыто всѣ свои церковныя обряды; онъ вѣнчаетъ, креститъ, хоронитъ и отправляетъ службы въ маленькой церкви. Глубоко сожалѣю, что время не позволило мнѣ воспользоваться его приглашеніемъ и побывать въ его домѣ и церкви.

Передохнувъ, мы отправились въ одну изъ сотенныхъ фанзъ служить панихиду. Внутри не было ничего китайскаго. Длинный, полутемный, сырой и холодный баракъ; облупленныя стѣны; глиняный полъ; вдоль стѣнъ сплошныя нары; надъ изголовьями, на гвоздяхъ поношенная аммуниція—сумки, мѣшки, закопченые котелки, сапоги въ узелкахъ; въ углахъ громадныя русскія печи...

Невеселая и неприглядная казарма!

Люди стояли на нарахъ и въ проходѣ, баракъ былъ переполненъ.

Мы пробрались въ конецъ, гдѣ у окна былъ приготовленъ столикъ для панихиды; надъ окномъ висѣлъ крохотный сотенный складень и горѣли ужь 12 свѣчекъ, вставленныхъ въ дощечку.

Отецъ Амфилогій служилъ сначала панихиду и тотчасъ же молебенъ съ водосвятиемъ, ему помогалъ казакъ за причетника, плохо правившій свое дѣло, и поддѣвалъ высокимъ фальцетомъ молодежавый урядникъ. Батюшкѣ пришлось пропѣть обѣ службы почти одному. Но онъ сумѣлъ однако чѣмъ то неуловимымъ, быть можетъ сильнѣе всего простотой и спокойствіемъ, такъ справить обѣ службы, что молиться было не трудно. Онъ ясно и благочестиво читалъ молитвы, привѣтливо и любовно смотрѣлъ на солдатъ и такъ хорошо сказалъ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ фразъ, что сразу обобщился съ людьми.

Ну вотъ, мы помолились за упокой усопшаго начальника,— царство ему небесное!

А теперь помолитесь, чтобы вамъ жилось здѣсь получше, а то стѣны то нехристіанскія, а покропимъ и благодать Божія явится.— У васъ вѣдь здѣсь еще не было богослуженія?— Такъ вотъ и помолимся.

Обильно кропя водой по всѣмъ помѣщеніямъ послѣ молебна, онъ все время приговаривалъ, что нибудь и быстро, и легко нахо-

дилъ сказать ласковое слово солдатамъ. Покропилъ и въ котлы на кухнѣ, и лошадей, и часового у денежнаго ящика.

Казаки молились съ умиленіемъ, они и вправду первый разъ видѣли священника въ Хуланченѣ.

Послѣ службы мы наскоро пообѣдали и вдвоемъ съ Амфилогіемъ, на одной двуколкѣ съ казакомъ и урядникомъ, отправились въ обратный путь.

Когда мы выѣзжали изъ города, у одной изъ крайнихъ фанзъ какой-то китаецъ игралъ на рожкѣ довольно звучную и понятную, но грустную пѣсню. Лихой урядникъ Вешниковъ, котораго намъ посадили въ провожатые, объяснилъ, что это «маршъ на погребеніе, — значить однимъ словомъ, что въ домѣ китаецъ помёръ». Молодчина и дальше всю дорогу считалъ насъ своими гостями и занималъ разговорами. Мнѣ было и весело и любопытно слушать его откровенную болтовню. Онъ рассказывалъ намъ, какъ ихъ казаки дружатъ съ китайскими солдатами, какъ они ходятъ другъ къ другу и оказываютъ всякое уваженіе.

—Его хоть и не поймешь, что онъ толкуетъ по своему, а все таки видно, когда хорошій человекъ.

Грустно только было слышать, когда въ словахъ или тонѣ его было замѣтно признаніе, что въ китайской казармѣ чище и лучше, чѣмъ въ нашей, что живутъ они «шибко хорошо противъ насъ» и «больше нашего соблюдаютъ дисциплину со своими начальниками».

Грустно было и то узнавать, что наши господа ѣздить часто въ гости къ китайскимъ начальникамъ, а тѣ къ нашимъ порѣже.

Мы вернулись на закатѣ солнца <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Отмѣчу для памяти и въ назиданіе тѣмъ, кто не былъ въ Манчжуріи, нѣкоторые мѣстные цѣны:

- 1) Самые обыкновенныя шаровары чернаго кастора 22 руб.
  - 2) Сюртучная пара 90 р.
  - 3) Новый воротникъ къ сюртуку 5 р.
  - 4) Мойка замшевыхъ перчатокъ 50 к.
  - 5) Никелевыя гладкіе пагоны 2 р. 75 коп.
  - 6) Стрижка и бритье 1 р.
  - 7) Сдобная булка (въ россіи 15 копѣчная) 40—60 коп.
  - 8) Стирка бѣлья—каждая вещь 10 к., безразлично рубашка, простыня, носовой платокъ и т. д.
  - 9) Шампанское 12—15 рублей.
  - 10)  $\frac{1}{4}$  водки 2 р. 50 коп.
  - 11) 1 фунтъ сахару 30 коп.
  - 12) 1 фунтъ стеариновыхъ свѣчей 40 коп.
- И т. д. и т. д.—въ томъ же духѣ и цѣны на квартиры и платъ за личный трудъ. Грабительская страна и время!

*24 января.* Вечеромъ былъ у П—й. Познакомился у нихъ съ новымъ гостемъ ихъ проходнаго Харбинскаго этапа — подпоручикомъ Б.,—до войны офицеромъ Л. Гв. Н—го полка.

Онъ раненъ и контуженъ въ послѣднихъ дѣлахъ — 14 января, а теперь уже выходитъ изъ госпиталя и, какъ всѣ выздоравливающіе во 2-мъ Харбинскомъ госпиталѣ, отдыхаетъ въ санаторіумѣ П-чей. Ихъ домъ будетъ положительно историческимъ послѣ войны,—кто въ немъ не былъ, сколько здѣсь было встрѣчъ и знакомствъ!

Б. мнѣ отозвался, между прочимъ, съ восторгомъ о нашемъ однополчанинѣ рядовомъ 6 роты ср. 1898 г. Самойленкѣ, попавшемъ изъ запаса въ стрѣлки.

—Молодчина такой, съ голубыми глазами, со свѣтлой бородкой и держится съ такимъ достоинствомъ, что нельзя не любоваться. Въ бою это былъ примѣръ для всего моего взвода,—не знаю, остался ли живъ.

*27-го января.* Годовщина начала войны! Годовщина ненормальной жизни. Вспоминается, какъ мучительно годъ назадъ отозвались въ сердцѣ первыя телеграммы о нападеніи японцевъ. Какъ все валилось изъ рукъ и передъ всякой мыслью становилась одна—о войнѣ. Какъ мы не повѣрили бы годъ назадъ, еслибы ктонибудь дерзнулъ намъ предсказать всѣ пережитыя несчастія.

Мы мечтали о походѣ въ Корею, о разгромѣ непріятельскаго флота, о наказаніи разбойничьей страны дикихъ воровъ, азіатовъ за дерзкое нападеніе. А сегодня, какъ разъ въ годовщину, мы шепчемся о мирѣ и передаемъ другъ другу слухъ, что «державы вмѣшались, все кончено,—Манчжурія наша, Корея японская, Портъ-Артуръ нейтральный»...

*28 января.* Во время занятій въ развѣдочное отдѣленіе сегодня явился въ сопровожденіи нашего переводчика какой то кореецъ неуклюже и смѣшно одѣтый въ европейское платье, плохо гармонирующее съ его типичнымъ лицомъ и черной косой, завязанной въ узелъ на макушкѣ. Онъ подошелъ къ столу. А и положилъ какой то свертокъ въ газетной бумагѣ. Переводчикъ объяснилъ, что это депутатъ отъ «Корейскаго общественнаго управленія», присланный для приглашенія на обѣдъ всѣхъ офицеровъ. Въ пакетѣ оказались пригласительныя письма на имя каждаго изъ насъ:

«За все общество смѣю почтительнѣйше просить не отказать Вашимъ великодушнымъ посѣщеніемъ наше вновь учрежденное



Общественное Правленіе, а такъ же равно на обѣдъ къ 4 часамъ пополудни въ г. Французской гостиницу.

Надѣюсь, что Вы не откажетесь доставить намъ такое удовольствіе.

### Корейскій Общественный

*Старшина Е-Ин-ке-ми*.

Депутатъ выглядѣлъ такъ печально, что А. даже не удостоилъ его рукопожатіемъ и отвѣтилъ за всѣхъ, что, если будемъ свободны, то прїѣдемъ. Смыслъ этого приглашенія оказался въ томъ, что корейцы, которыхъ въ Харбинѣ больше 400 человекъ, только теперь получили разрѣшеніе организоваться въ общину и чувствуютъ по этому случаю Русскія власти. Наше отдѣленіе имъ очень близко, такъ какъ держитъ всѣхъ на учетѣ и выдаетъ разрѣшенія на жительство въ Харбинѣ.

Уже одно то, что вся корейская колонія въ Харбинѣ состоитъ исключительно изъ мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ, да и то еще, что свой обѣдъ они устраивали въ ресторанѣ, — подсказывало мнѣ, что ѣхать не стоитъ. И если я поѣхалъ, — такъ только для новыхъ впечатлѣній и записи въ дневникъ. Однако, и эта надежда почти не оправдалась.

Обѣдъ былъ устроенъ въ отдѣльномъ кабинетѣ. Большинство приглашенныхъ благоразумно, хотя и обидно для хозяевъ, уклонилось отъ чествованія. Со стороны корейцевъ былъ старшина съ глупѣйшей черной лентой черезъ лобъ, съ узломъ волосъ и коралловой шпичкой на макушкѣ, его «кандидатъ» съ такой же лентой и въ кисейномъ колпакѣ, нашъ переводчикъ и еще человекъ пять. Всѣ они въ сюртукахъ или смокингахъ европейскаго покроя, но съ ногдо головы выглядятъ русскими фабричными, — тѣ же фізіономіи, неумытость, неловкость и застѣнчивость въ такой нелѣпой обстановкѣ. Съ косами, или узлами были только старшина и кандидатъ, всѣ остальные обстрижены «бобриками», «подъ полку», и типомъ они отличаются не много отъ нашихъ заволжскихъ татаръ. Во всякомъ случаѣ, они ближе намъ, чѣмъ японцы, или китайцы и, общаясь съ ними, не чувствуешь такой глубокой пропасти или отталкивающей непріязни, какую соотвѣтственно возбуждаютъ въ русскихъ тѣ двѣ народности.

Обѣдъ, довольно роскошный по меню изъ пяти блюдъ и винамъ, прошелъ изрядно тоскливо. Разговаривать съ цеховыми людьми было не о чемъ, хозяева страшно стѣснялись не только

говорять, но даже пить и ѣсть. Время отъ времени подымался только старшина и, съ видомъ провинившагося въ чемъ то и кающагося отъ всей души грѣшнаго, благодариль за честь принятія обѣда и обѣщаль отъ имени всей общины, что корейцы будутъ исполнять всѣ русскіе законы и вести себя тихо и скромно въ благодарность за разрѣшеніе устроить общественное управленіе. Имъ отвѣчали, что въ Россіи всѣмъ живется отлично и никого не стѣсняютъ.

Послѣ обѣда мы тотчасъ же разѣхались. Корейцы безъ пальто и шапокъ выбѣжали на улицу насъ провожать и усаживать въ экипажи.

*Б. Адамовичъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

